

*А.Я.ЛИВШИН,
И.Б.ОРЛОВ*

Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917-1927 годов*

Развитие исторической науки в России и изучение истории советского периода в последнее время связаны с вниманием к "нестандартным", практически игнорировавшимся ранее проблемам исторической антропологии и с введением в научный оборот нетрадиционных источников: писем, наказов и приговоров крестьянских обществ, резолюций общих собраний рабочих коллективов, дневников и мемуарной литературы, анекдотов, частушек и даже слухов¹.

О том, что историческая антропология в России набирает силу, свидетельствуют прошедшие в Москве в 1993-1994 годах конференции, которые ознакомили научную общественность с исследованиями в области изучения российской ментальности: "Менталитет русской культуры"; "Менталитет и аграрное развитие"; "Русская история: проблемы менталитета". Но для большинства исследований, посвященных изучению ментальности, характерны недостаточное внимание к методологическим и источниковедческим проблемам исторического исследования и игнорирование опыта, накопленного в этой области зарубежными и отечественными историками [3, с. 86, 87].

Тема исторической антропологии уже затрагивалась на страницах журнала. К числу наиболее удачных исследований массового сознания первых послереволюционных лет можно отнести работу О. Великановой [4], посвященную анализу феномена культа вождя через категории "гражданской религии", т.е. видения мира посредством мифов и символов. Трансформация полифонического образа вождя рассматривается автором с позиции различных социальных ролей: религиозного, родового, политического и даже сексуального символа, центра национальной интеграции и образца для подражания. Причем проблема культа вождя тесно увязывается с вопросами структурирования "нового общества" и легитимации режима [4, с. 162-173]. Особое звучание антропологическая проблематика приобрела для истории переходного общества, в котором тема витальности (как выживания) выступает главной в массовых источниках: письмах, заметках и дневниках рядовых людей [5].

* Статья написана при поддержке RSS of the Open Society Support Foundation (грант № 1624/157/1998).

¹ Слухи оказывали вполне конкретное воздействие на общество: распространяясь с поразительной быстротой, они формировали общественное мнение, настроение и поведение социальных слоев, возрастных и региональных групп. Например, даже однолошадные и однокоровные крестьяне, напуганные конфискациими 1918-1920 годов, немедленно реагировали на ложные слухи об усилении натуральных повинностей массовым забоем мелкого скота и молодняка [1, с. 251-254; 2, с. 372-381].

Л и в ш и н Александр Яковлевич - кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

О р л о в Игорь Борисович - кандидат исторических наук, докторант Государственной академии сферы быта и услуг.

Письма являются своего рода зеркалом менталитета общества. Это, конечно, не означает, что речь идет об абсолютно адекватном и полном отражении состояния общественного сознания. Важны методы анализа источников, приближающие исследователя к пониманию особенностей менталитета и динамики его изменения, проявляющихся в отношении населения к центральной и местной власти, внутренней структуре менталитета и иерархии ценностей, наиболее характерных дискурсивных стратегий и речевых особенностей самовыражения корреспондентов.

Разумеется, для того чтобы отразить движение "потаянных мыслительных структур" (А. Гуревич), присущих всем членам общества, необходимо уметь "разговорить" источник. Дело в том, что типичный документ, о котором идет речь, чрезвычайно многослоен и заключает в себе огромное и зачастую скрытое многообразие смыслов и культурных практик. Письмо - это отражение пестрой мозаики повседневности, а также базисных структур национальной психологии и культуры. Исследование столь специфических текстов неминуемо выводит историка в сферу социально-психологических механизмов, действие которых часто довольно слабо ощутимо и расплывчато, связано с "коллективным бессознательным". Кроме того, в дискурсе "писем во власть" отражаются мифологическое мышление и "философия вымысла", разлитые в массовом сознании. Есть основания полагать, что в революционную и послереволюционную эпоху элементы мифологического миропонимания в массовом сознании резко усилились.

Так, начинает проявлять себя утопическое мышление, основные черты которого - противопоставление действительности и идеала, абсолютизация абстрактных принципов, требование осуществить идеал здесь и немедленно, хотя для этого нет материальных, социальных и психологических условий [6, с. 42-45]. Сталкиваясь в сознании авторов с суровой правдой жизни, с кровью и болью, страданиями, накладываясь на низменные черты человеческой натуры, утопическая картина мира мифологизируется: фантазии выдаются за действительность, размываются границы между добром и злом, сознание человека затемняется и им полностью овладевает структурированное мифом бессознательное. При этом совершенно не исключено, что автор письма может связано рассуждать на бытовые темы, например, о неправильности действий местных властей при конфискации у него лошади. Соответственно исследователю весьма непросто разделить в тексте письма сливающиеся в рамках мифологического сознания реальность и иллюзию, правду и вымысел.

Текст письма - это не застывшая сущность, а форма динамического, диалогического взаимодействия между автором, адресатом, читателем и культурным (историческим) контекстом. В этом многомерном пространстве и решается задача историка, проявляющаяся его умение задать источнику правильные вопросы и получить на них исчерпывающие ответы. Историк, как правило, достаточно далек от постмодернистского представления о первичности текста по отношению к реальности, о том, что "сама историчность связана с возможностью письма" [7, с. 72]. Наоборот, он стремится полнее и точнее постигнуть реальность ушедших эпох через текст документа. Основные вопросы к тексту касаются при этом проблемы соотношения социальной системы и личности. Особый интерес представляет социальное и культурное самочувствие личности в новой послереволюционной среде, воспринимаемые человеком и отрефлексируемые в "письме во власть" проблемы адаптации в изменившемся социальном пространстве, формирующаяся структура отношений личности и власти.

Письма и реакция на них со стороны властного аппарата - это и специфическая форма политических отношений в советский период. "Диалог" с населением посредством различных форм апелляции к власти шел непрерывно. Разумеется, "диалогичность", о которой идет речь, весьма условна и нетрадиционна. Нельзя однозначно положительно ответить на вопрос, являлись ли письма и иные формы апелляции к власти специфической формой политического участия, средством политики и власти в

условиях коммунистической диктатуры. По крайней мере утверждать подобное значило бы чрезмерно переоценивать внесударственные факторы формирования политического курса в советское время, равно как и роль в этом процессе общественного мнения (даже используя данное понятие в весьма условном смысле). Однако важно избежать недооценки значения, хотя бы в информационном плане, писем, доносов и т.д. для выработки, реализации и, возможно, в ряде случаев корректировки действий власти.

Многое зависело от того, как сама коммунистическая власть воспринимала письма трудящихся и какова была реакция государства на жалобы, заявления и прошения простых людей. Представляется, что государство, коммунистическая верхушка были заинтересованы прежде всего в своего рода мониторинге общественных настроений, выражаемых в письмах. С этой целью письма прочитывались, иногда компоновались в подборки и откладывались в отделах писем и заявлений, созданных во многих госучреждениях. Во многих случаях, в частности в период нэпа, письма и заявления вызвали ответную реакцию бюрократической машины. Особенно это относится к наркомату рабоче-крестьянской инспекции, который регулярно и подробно отчитывался о работе по рассмотрению просьб, заявлений и жалоб граждан.

При отсутствии присущих демократическому обществу форм общения и взаимодействия государства и населения через многообразные политические и гражданские институты апелляция к властям предрешающим при помощи заявлений, петиций, жалоб, доносов и т.д. являлась суррогатным заменителем общения населения с государством и воздействия на власть. Это была наиболее безболезненная и удобная для режима форма осуществления государственного управления на базе обратной связи, основанная на исторических традициях русского народа (челобитные в средневековой Руси, петиционное движение в XIX - начале XX века).

В истории России постоянно воспроизводилась модель общения бесправного и униженного просителя с могущественным и снисходительным патроном. Тем не менее проситель был не до конца бесправен, а наделен определенной политической инициативой. Оперировав терминами, укорененными в господствующей идеологии, он мог рассчитывать на желаемую реакцию со стороны государства и даже спрогнозировать ее. Нередко встречались попытки манипулирования государством в интересах жалобщика или доносителя. Это подтверждает и анализ крестьянских писем и заявлений ("писем маленьких людей"), проделанный Н. Козловой [9, с. 13, 155].

"Сигналы с мест" нужны были режиму, чтобы заложенная в его сердцевину репрессивно-карающая функция получила первоначальный импульс. Пусть в 20-е годы это были лишь спорадические действия, не связанные с физическим уничтожением людей. Важен в данном случае сам факт возрастания роли индивида в политическом процессе через ожидаемые последствия написания письма, жалобы и т.д. По всей вероятности, государство, именовавшее себя народным, остро нуждалось в подобных лимитированных формах общения с гражданами.

Общение государства и населения при помощи апеллирования к носителям государственной власти и в соответствующие институты может рассматриваться как форма реализации "типового контракта Жителя с Властным Лицом". При этом контракт принимается как "связная система моделей поведения сторон во властных взаимодействиях" [10]. Это своего рода сотрудничество граждан с властью, при котором каждая из сторон принимает негласные, но взаимообусловленные правила игры.

Велико значение писем как источника по истории повседневности. Они дают широкую панораму образа жизни крупных социальных слоев, как рядовых граждан, так и властных лиц. Читая письма, можно ощутить "дух эпохи", ее стиль, специфику поведения людей в конкретных материальных и юридических обстоятельствах. Как правило, апелляция к власти представляет собой описание житейских проблем и коллизий, тех или иных типичных для повседневности ситуаций. Само время разговаривает с исследователем языком письма "во власть".

Первостепенное значение приобретают принципы и методы отбора, классификации

и анализа документов советской эпохи. О важности и неизученности этого вопроса (в том числе и о проблеме отбора, атрибуции, типологизации документов) писал на страницах журнала академик Н. Покровский. На примере сводок ОПТУ он рассмотрел проблему соотношения тенденциозности и достоверности текста: наиболее достоверны содержащиеся в документе сведения, противоречащие основному направлению его тенденциозности, а наименее достоверны - совпадающие с ним [11]. Эти размышления дают импульсы анализу писем как исторического источника.

Отбор и типологизация

При отборе писем граждан во властные структуры следует избегать специальных тематических подборок и сводок. Секретные обзоры писем, составлявшиеся для высоких инстанций, содержат, как правило, лишь негативный материал. Это мешает историку показать как можно более широкую гамму точек зрения людей, а также специфику обращения во властные структуры разных групп населения.

Для массовых источников вообще (и для писем в частности) характерно, что структура заключенной в них многослойной информации на уровне отдельно взятого документа "неосвязаема". Доступной она становится лишь на уровне всей совокупности. Чем больше совокупность, тем быстрее прирастает объем информации, присущий только ей и принципиально неделимой на число составляющих ее документов.

Эффективность анализа отобранных документов во многом зависит от их типологизации. От этого зависит и действенность использования данных источников для более полного понимания времени, которому они принадлежат. Представляется, что такая типологизация должна осуществляться по целому ряду параметров и вряд ли можно выделить наиболее значимый критерий, на основе которого письма могут быть разбиты на "виды" и "подвиды".

Письма можно классифицировать по их адресату. В. Кабанов выделяет письма в газеты, учреждения и отдельным лицам [2, с. 226-228]. В рамках этой классификации к "письмам во власть" могут быть отнесены, во-первых, письма в газеты, в том числе опубликованные и хранящиеся в архивах газет; во-вторых, постоянная почта в государственных и общественных учреждениях (жалобы, претензии, предложения, доносы); в-третьих, письма политикам, ученым, деятелям искусства. Весьма характерным примером служат письма в "Крестьянскую газету". Они часто выступали как форма выражения общественного мнения односельчан (или их определенной группы), были подписаны и имели адреса; подавляющее число авторов надеялись на то, что их письма будут опубликованы, а следовательно, прочитаны и другими жителями деревни. Поэтому, учитывая непосредственный характер социального контроля на селе, а также традиционную для крестьянства убежденность в определяющем значении коллективного мнения во всех аспектах деревенской жизни, они, как правило, не сообщали в газету ложные сведения [12, с. 11].

Интересна жанровая классификация писем. В частности, этим методом пользуется Ш. Фицпатрик применительно к "письмам во власть" 30-х годов. Она выделяет в том числе такие жанры, как "изливание сердца", "крик о помощи", "доносы и жалобы" и ряд других². Более подробной является жанровая классификация писем Кабанова: просьбы, жалобы, информативные письма, разоблачающие и критикующие действия отдельных должностных лиц и учреждений, предложения и прожекты, "философские письма" (письма-раздумья о понимании автором тех или иных теоретических положений, ситуаций в области политики, экономики и в сфере духовной жизни), поздравительные письма, доносы [2, с. 223, 225, 228, 229]. Жанр письма тесно связан ад структурой содержания. Л. Кутырева в качестве характерных черт прошений и заявлений выделяет такие, как произвольную форму изложения, специфическую систему доказательств и эмоциональность [13, с. 52].

² В частности, данная классификация была предложена ею на конференции "Soviet Letters to Authority", состоявшейся в Университете Чикаго 6-7 апреля 1996 года.

Еще один метод типологического группирования источников, предложенный Фицпатрик, связан с характером языка, используемого авторами писем, с дискурсивными особенностями самовыражения людей. Безусловно, подобный социолингвистический анализ сложен, однако он способен наиболее ярко высветить особенности эволюции социального менталитета в тот или иной период. Новый советский человек породил новый язык: незаметно в быт вторгались и занимали прочное место причудливая терминология и чудовищные аббревиатуры ("язык Шариковых").

Письма "простых людей" - это образец письма, написанного человеком, не принадлежащим Кulture. Они пишутся, как слышится, с массой ошибок. Такой род письма, названного Н. Козловой и И. Сандомирской "наивным письмом" (по аналогии с "наивной живописью"), нередко использует газетные клише и заезженные фразы. В поток "неграмотной речи" вкраплены клише речи "казенной". Главные, ключевые коды в "наивных письмах" связаны с нарративами традиционного сознания, т.е. с пословицами и присловьями. Сам тон их - обязывающий. Написание ряда слов с большой буквы характерно для традиционного общества, механизмами которого являются: обычай, ритуал, общественное мнение. Этим же обусловлены сравнения "прежде" и "теперь". Переменчивость настроения - не особенность темперамента пишущего, а социальное качество, присущее традиционному обществу, особенно народным низам [14].

При классификации писем надо учитывать социальное происхождение автора. Способы апеллирования к власти у представителей разных общественных групп имели свои особенности. Крестьянство и солдаты в силу вождистского, харизматического характера менталитета предпочитали обращаться не в определенные государственные институты, а к конкретным деятелям большевистской верхушки, которым они склонны были в большей степени доверять. До коллективизации таковым являлся в первую очередь М. Калинин. "Ни о ком не отзываются так хорошо, как о Вас. Изо всех честнейший я так слышал", - писал Калинин еще в 1920 году арестованный за "дезорганизацию отряда" председатель коммунистической ячейки 54-го автомобильно-броневоего отряда А. Алексеев [15].

Что же касается более образованных слоев, и особенно жителей больших городов, то они, как правило, писали в соответствующие госучреждения либо партийные инстанции. Это же относится и к письмам рабочих в годы нэпа, в особенности к столь специфическому жанру, как жалобы на администрацию предприятий.

Судя по письмам и заявлениям рабочих, очень остро стояла тогда проблема безработицы. Страх оказаться выброшенным за ворота завода пронизывал настроения и социальное самочувствие. На этом страхе не без успеха играла администрация, запугивая и шантажируя рабочих. Плачевное состояние рынка труда угнетающе влияло на уровень заработной платы в промышленности. При этом государственные предприятия не были в полном смысле слова автономными агентами рынка, что определяло модель поведения руководителей. Директора заводов использовали фаворитизм, прибегали для решения экономических вопросов к блату и связям вполне в "советском" стиле, а не в духе рыночных отношений. Рабочие же, жалуясь в высокие партийные и государственные инстанции на непосредственное начальство, как правило, делали это в чисто "коммунистической", идеологизированной тональности³ [16].

В той или иной степени уместно также применение сюжетной типологизации. По крайней мере имелось несколько чрезвычайно значимых социально-экономических и общественно-политических проблем, вызывавших наиболее обильный поток "писем снизу". Некоторые из них уже были упомянуты. В числе наиболее значимых были вопросы налогообложения и взаимоотношений с местной властью. Однако если ограничиться лишь сюжетной типологизацией, можно более ярко и всесторонне увидеть

³ Впрочем, острое недовольство своим положением рождало в нэповские годы формы протеста в промышленности иные, чем письма, просьбы и жалобы. В частности, массовый характер имело забастовочное движение. По данным А. Соколова, в 1922 году бастовало почти 200 тыс. рабочих, в 1923-м - 165 тыс., в 1924 году - 41 тыс., причем снижение числа стачек было связано не столько с улучшением материального положения пролетариата, сколько с административными запретами [17].

саму суть проблемы или исторического явления (что само по себе достаточно важно), но никак не динамику изменения восприятия проблемы и отношения к ней.

При отборе писем надо учитывать как их типичность (хотя часто это означает предпочтение путанного изложения и бытового уровня материала), так и их интерес для историка - последний связан с умением автора обобщать и сопоставлять факты.

Исследовательские перспективы

Смена научной парадигмы привлекает внимание ученых к сложности, нелинейности, многомерности и одновременно целостности истории, заставляет взглянуть на ход исторического развития с позиций многовариантности и альтернативности. Это диктует настоятельную необходимость диалога истории с другими общественными науками, использования концептуального и методологического арсенала всех наук об обществе и человеке. Историю Советской России 1917-1927 годов можно рассматривать как результат взаимодействия "верхов" и "низов", государства и общества, элитарной и массовой культур. Именно культура "безмолвствующего большинства", прежде всего российского крестьянства, выступала важным фактором и "двигателем" советской истории данного периода. Для ее анализа важнейшее значение имеют исследования "на стыке наук", системный анализ, сочетание исторического и логического подходов.

Одним из интересных направлений исследований может стать "моделирование" психологического портрета "пишущих во власть". Кто в изучаемый период писал письма, а кто их не писал? Насколько репрезентативно передают эти документы характер массовой общественной психологии? Это весьма непростые вопросы. В частности, важно попытаться определить, являлось ли доверие к высшей власти или к ее персонифицированным носителям фактором, провоцировавшим желание обратиться "во власть" с письмом. Или же действовали другие побудительные мотивы, в частности сложившиеся в предреволюционной России традиции петиционного движения, когда апелляция к государству напрямую считалась наиболее эффективным способом решения проблем, вне зависимости от авторитетности и популярности власти? Иными словами, писать "во власть" - еще не означает одобрять ее и поддерживать, даже считать приемлемой для себя в обозримой исторической перспективе.

Именно так дело обстояло применительно к большинству просителей из числа крестьян, обращавшихся к государству в лице его высших представителей. Апелляция к коммунистической верхушке либо в большевистские органы отнюдь не свидетельствовала о любви к советской власти. Скорее речь может идти о патримониальном традиционалистском мышлении, которое причудливым образом переплеталось с соображениями практической пользы. Какова бы власть ни была, а сосуществовать и уживаться с ней надо - таков был ход рассуждений многих крестьян. А "уживаться" с властью означало и апеллировать к ней, причем часто прибегая к традиционным и исторически привычным формам петиций и соответствующему дискурсу.

На социальный и психологический портрет пишущих (как и на содержание обращений к власти) повлиял архаизирующий характер Октябрьской революции, в результате которой общество на глазах распадалось, а потом восстанавливалось, являя собой пример первичной аморфной социальности [9, с. 100, 102]. Письма периода гражданской войны и 20-х годов демонстрируют огромный дефицит социального оптимизма среди представителей разных групп населения. Для сельских жителей немаловажным обстоятельством, формировавшим отношение к власти, была подозрительность ко всему, что исходило из города. Характерно мнение, высказанное в 1920 году крестьянином Тамбовской губернии Н. Кретовым: "Больно видеть, что пропасть, разделяющая город, пролетария от крестьянства, все более и более обостряется. Город становится врагом деревни и деревня - врагом города" [18]. Однако и промышленные рабочие ощущали себя пасынками нового строя. "Рабочие, которые теоретически пользовались всеми благами нового общества, на деле с трудом могли понять свое место в нем", - справедливо замечает Д. Хоскинг [19, с. 127]. Следовательно, доверие

к государству не было решающим и даже сколько-нибудь значимым поводом для апелляции к власти.

Побудительным мотивом, толкавшим людей на обращение в высокие инстанции, было традиционное убеждение, что на местах искажают политику центральных властей, причем не только извращают законы, но и сознательно не информируют население о тех или иных законодательных актах. Поэтому письмо либо заявление в Москву виделось как диалог с властью напрямую, без лукавых посредников. При помощи этого обращения люди рассчитывали "пробить" то, что они считали информационной блокадой, а также, в случае необходимости, получить соответствующие разъяснения по поводу политики государства. "Куда не обратишься во власть, то нигде концов не найдешь, так было только при царизме, но теперь власть рабочих и крестьян, то должно для каждого рабочего и крестьянина все законы издаваемые высшим органом из центра должны приводиться везде и по всюду Советской республики точно и справедливо", - писала в 1921 году группа крестьян Гомельской губернии, недовольная действиями местного начальства [20, д. 564, л. 4]. Крестьяне Рязанской губернии И. Савельев и Я. Дронов, чтобы добиться справедливости, писали в 1919 году прямо на имя В. Ленина и просили его персонально "расследовать вновь наше дело и разъяснить 1) на сколько едоков по декрету полагается одна корова и одна лошадь, 2) имеют ли право притеснять и разорять семейства красноармейцев и 3) по закону ли поступает наш Комитет и обязаны ли мы исполнять его требования; если же он действует не законно, в таком случае прикажите ему оставить нас в покое" [20, д. 691].

По мнению В. Булдакова, российские источники личного происхождения не просто политически тенденциозны, но еще и предельно эмоциональны - это "слезницы и хуления". Наиболее характерны в последнем смысле обвинительные послания вождям большевизма, которые, как правило, анонимны и малоизобретательны по части аргументации. Слишком часто они исходили от лиц с расстроенной и даже разрушенной психикой. Письма такого рода характеризуют не власть, а несостоявшиеся надежды людей и их претензии к ней. Примыкают к этой группе посланий доносы (также традиционная форма "обратной связи"). При всей неприглядности стукачества оно может быть важным источником для характеристики такой "движущей силы" истории, как людская зависть [21, с. 15, 16].

Признавая справедливость подобных оценок, нельзя вместе с тем не видеть их несколько ограниченный характер. Безусловно, в социально-психологическом отношении "письма во власть" - значительно более сложное явление культурного, исторического и ментального (психолингвистического) порядка. Содержание текста, иногда даже при отсутствии впечатления о его цельности, принципиально полифонично. Исследователю необходимо видеть многоаспектность письма и стремиться понять, что же стоит за текстом. В частности, важно попытаться определить соотношение отраженного в письме реального мира - мира изменяющихся ситуаций, исторических событий, движения идей, стоящих вне текста, и создаваемой индивидуальным воображением конкретного автора картины этого мира. В побудительных мотивах, методах и способах апелляции "во власть", дискурсивных стратегиях авторов писем столь же много рациональности, как и иррациональности; как трезвого расчета, так и слабой мотивированности и неадекватности; реального и фантазмагорического отражения мира.

К методам анализа писем 1917-1927 годов вполне применима следующая формула А. Гуревича: "Историк должен стремиться к тому, чтобы обнаружить те мыслительные процедуры, способы мировосприятия, привычки сознания, которые были присущи людям данной эпохи и о которых сами эти люди могли и не давать себе ясного отчета, применяя их как бы автоматически, не рассуждая о них, а потому и не подвергая их критике. При таком подходе удалось бы пробиться к более глубокому пласту сознания, теснейшим образом связанному с социальным поведением людей, подслушать то, о чем эти люди самое большее могли только проговориться независимо от своей воли" [22, с. 48].

Как представляется, то, что некоторые исследователи писем "маленького человека" принимают за реальную речевую патологию (характеризуемую как систематическое и тотальное нарушение языковых норм ввиду психического заболевания или иных "катастрофических" причин, предопределяющее невозможность общения корреспондента и адресата), на самом деле является психолингвистикой ложных высказываний. Имеются в виду высказывания, искаженно описывающие действительное положение вещей, причем это искажение преднамеренное [23, с. 252]. Мотивировка подобного намеренного искажения действительности, как правило, связана со стремлением достижения максимальной эффективности апелляции "во власть" или, другими словами, наибольшей практической пользы путем стимулирования необходимого властного действия.

Следовательно, речь идет о некоей стратегии социально ориентированного речевого воздействия, замешанной на сугубо прагматических мотивах. Картина мира получается в таком случае искаженной, но искаженной в нужном автору текста направлении. Для этого используются такие приемы, как драматизация реального положения вещей и обстоятельств жизни автора, гипертрофирование значения одной группы фактов и замалчивание других, спекулирование на социальном и политическом статусе корреспондента и т.д. При этом используется не только реальная, но и воображаемая самоидентификация через ролевые модели.

Известно, что основным механизмом социальной самоидентификации является противопоставление ценностей, моделей поведения и взглядов своей группы и иной группы с чуждыми или враждебными интересами. Понятно, что в данном контексте рабочий при апелляции во власть будет иметь больше шансов быть услышанным, чем священник или нэпман. Исходя из этого, в тексте, имеющем целью получить конкретный практический результат (наказание некоего низового бюрократа, возврат несправедливо конфискованной собственности, решение жилищной проблемы, изменение ставки налога и т.д.), авторы апелляций "во власть" использовали усиленные и более четко социально акцентированные ролевые модели "простого рабочего, всецело преданного идеям советской власти", «честного крестьянина-труженика, "нутром" тяготеющего к социализму», "женщины-работницы, матери будущих строителей нового мира" и др.

Эти "виртуальные социальные идентичности" [24, с. 33] обеспечивали наиболее эффективное речевое воздействие на властного адресата. В этом контексте самоидентификация авторов писем является вполне целенаправленным процессом. Приходится констатировать, что в большинстве случаев апелляция во власть - акт достаточно рациональный и продуманный; это поступок, в основе которого лежит скорее стремление к индивидуализации, чем желание примкнуть к хору и стать "как все".

Массовость писем "маленьких людей" не должна заслонять одной из важных интегральных характеристик совокупного психологического портрета их авторов: эти люди решились на значимое и отчасти рискованное социальное действие и пытались добиться необходимых для них результатов в наиболее приемлемой и доступной для себя форме. Именно они инициировали диалог с властью и ждали от нее ответов.

* * *

Восстановление "истории молчащих" открывает социальные пространства, где за совершенно добровольными решениями обнаруживается социально-структурирующее начало, где структурные социальные взаимодействия предстают как реализация желаний, где субъективные надежды и объективные возможности соотносятся друг с другом [14, с. 8]. Письма советской эпохи являются наглядным отражением социально-психологического процесса, они неоднозначны и порой противоречивы. Если Г. Соболев видит в письмах "простых людей" "живые отголоски процесса становления гражданского самосознания в переломный момент исторического развития" [25, с. 13], то для Кабанова "письма трудящихся", адресованные анонимному образу Власти,

скорее подчеркивают роль "маленького человека" как "псевдогражданина" принципиально негражданского общества [2, с. 235].

Думается, что историкам следует говорить о мозаичности и многокомпонентности массового сознания в постреволюционную эпоху. Российский "человеческий архетип" при этом представляется не жестко заданным, а весьма пластичным. Стихийный ход событий, а также направленные действия политической элиты активизировали те или иные компоненты фрагментированного менталитета. Речь идет прежде всего об уникальном сочетании в массовом менталитете прагматизма и "коллективного бессознательного", этатизма и антигосударственных, анархистских устремлений. При изучении писем "с мест" заметно нарастание на протяжении 20-х годов противоречий между коммунистическим государством и обществом. Как государство "разрешило" этот конфликт, хорошо известно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дмитриев А.В.* Социология политического юмора: Очерки. М., 1998.
2. *Кабанов В.В.* Источниковедение советского общества: Курс лекций. М., 1997.
3. *Куприянов А.И.* Историческая антропология в России: проблемы становления // Отечественная история. 1996. № 4.
4. *Великанова О.В.* Функции образа лидера в массовом сознании. Гитлеровская Германия и советская Россия // Общественные науки и современность. 1997. № 6.
5. *Козлова Н.Н.* Витальность как социально-философская проблема // Общественные науки и современность. 1998. № 2.
6. *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М., 1990.
7. *Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998.
8. *Соколов Б.Г.* Маргинальный дискурс Деррида. СПб., 1996.
9. *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М., 1996.
10. *Найшуль В.* О нормах современной российской государственности // Сегодня. 1996. 23 мая.
11. *Покровский Н.Н.* Источниковедческие проблемы истории России XX века // Общественные науки и современность. 1997. № 3.
12. *Ибрагимова Д.Х.* Нэп и перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997.
13. *Кутырева Л.В.* Жалоба как источник по истории крестьянства Урала (Опыт контент-анализа) // Количественные методы в исследованиях по истории советского рабочего класса и крестьянства. Свердловск, 1991.
14. *Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.* "Я так хочу назвать кино". "Наивное письмо": Опыт лингвосоциологического чтения. М., 1996.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 55. Д. 10. Л. 337.
16. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 21. Д. 5. Л. 234; Д. 8. Л. 5.
17. *Соколов А.К.* Лекции по советской истории. М., 1995. С. 114.
18. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 56. Д. 8. Л. 171.
19. *Хоскинг Дж.* История Советского Союза 1917-1991. М., 1994.
20. ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 22.
21. *Булдаков В.П.* К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (Методологический аспект) // Революция и человек, социально-психологический аспект. М., 1996.
22. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа "Анналов". М., 1993.
23. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М., 1997.
24. *Качанов Ю.Л.* Проблема ситуационной и трансверсальной идентичности личности как агента социальных отношений // Социальная идентификация личности. М., 1993.
25. *Соболев Г.* Письма из 1917 года // Коммунист. 1989. № 15.

© А. Лившин, И. Орлов, 1999